

Имя Траугот известно всем, кто увлекается отечественной иллюстрацией и знает о ленинградской культуре. Ему, как известно, предшествует тройной «семейный» инициал Г.А.В. Многие знают, что первая буква означает отца, но есть и некоторая неясность. Триумvirат все-таки может ошибочно восприниматься как дуэт. Детские книги в основном делали братья Александр и Валерий, а отец существует где-то в далеком начале, его роль как будто ускользающая.

Нет сомнений, он наставлял братьев, но как? Делал ли он сам детские книги? Каким вообще был художником, сохранилось что-нибудь из наследия? А если судьба, маячащая за многократно воспроизведенной буквицей, останется призраком? Не для домашних и друзей, конечно, но для многих из нас.

Разумеется, все, кто видит настоящую выставку и читают эту статью, понимают: вопросы риторические. Здесь показаны работы Георгия Николаевича (к слову, впервые за много лет), статья же явно намеревается о чем-то сообщить. И все же «призрачность» — не совсем случайное слово. Она в некотором роде была свойством Георгия Николаевича — он умел и во многих случаях стремился не заявлять о себе, держаться скромно. Это острее подчеркивает значение деятельности и воли, коснувшихся семьи и тех, кто его знал.

Воля была доброй и любящей. Для детей и жены — Веры Яновой — Георгий Траугот стал учителем, сумевшим раскрыть индивидуальность, самостоятельность каждого. В работах братьев живет отцовский почерк, воспринятый в контексте семейной традиции. Но не бездумно. Манеры каждого по отдельности не идентичны, просто умеют сближаться, сливаясь в общее дело.

Кроме радости видения, Георгий Траугот открыл, как ее сохранять. Очень просто — рисовать ежедневно, это станет необходимой практикой и памятью о пережитом. «Художник или работает, или спит», — говорил он, и сыновья не мыслили себя по-иному. Примерно в те же годы Алиса Порет и Татьяна Глебова, делали картинки к детским книжкам «в четыре руки». Для братьев такой опыт стал привычным с самого начала — по воспоминаниям Александра, он нередко дорисовывал что-то за Валерием, вызывая негодование последнего. Отец неизменно их примирял. И это даже не «четыре руки»: «Нас всегда было больше, чем двое», — говорит Александр.

Как и отец, братья интенсивно восприняли импрессионизм. Конечно, это и воздействие петербургской/ленинградской среды в целом — то же видим в работах Николая Лапшина, Николая Тырсы, Юрия Сырнева и многих других... Впрочем, считать ли лишь заграничным воздействием? Марке, бывший для многих образцом, оказавшись в Ленинграде в 1934 году и увидев полотна Репина и Левитана, воскликнул: «Да ведь это то самое, о чем мечтал Манэ!»

«Наше объединение нельзя назвать семьей. Это маленькое, крошечное, но совершенно самостоятельное государство — со своей иерархией ценностей, со своими взглядами, со своей философией», — говорили братья впоследствии. Даже дневник был семейный, и одна запись гласила: «Творческий дух — это таинство истинной жизни. Когда его имеешь, для тебя нет будущего, тебе нечего ожидать, ты уже имеешь все».

При такой философии каждый миг повседневности оказывался любопытным, новым, живым и желавшим быть претворенным в искусстве. Неудивительно, что сам Георгий не сокрушался об исчезнувших ранних работах, которые, когда его исключили из ЛОСХа, оказались попросту выброшенными. Важнее было сегодняшнее — когда оно есть, тебе нечего ожидать, ты имеешь все. Почти так же другой ленинградец Александр Введенский писал стихи, дорожа только новым произведением.

Необходимым словом в понимании Георгия Траугота, его семьи и жизнетворчества будет, наверное, «круг». Круг — это семья-государство в доме-мастерской, расширявшаяся, когда приходили друзья. Они устраивали просмотры и диспуты. Сделаться вхожим было непросто, но такими оставались надолго, если не навсегда. Круг таких ценителей, знатоков и критиков позволил Вере Яновой после войны стать, казалось бы, совершенно «потаенным» художником — без выставок и внешней карьеры. Но художником подлинным и востребованным.

В доме бывали ученик Малевича Владимир Стерлигов, его жена Татьяна Глебова (та самая), другая ученица Малевича Анна Лепорская, искусствовед Всеволод Петров, художники Александр Ведерников, Вячеслав Пакулин, Валентин Курдов, Александр Арефьев... Наконец, философ Яков Друскин, спасший архив Даниила Хармса. Фактически как приемного сына Георгий Траугот ввел в семью Михаила Войцеховского — оригинального мыслителя и скульптора.

Круг был продолжением более раннего. Еще до войны, после обучения во ВХУТЕИНе, Георгий Траугот участвовал в объединении, которое так и называлось — «Круг художников». Существовало оно недолго, с 1926 по 1929 год, еще меньше там находился Георгий. Вероятно, краткое и раннесоветское существование оказалось спасительным. Участники разрабатывали свой метод «живописного реализма», а почти тогда же, просто чуть позже, поисками оригинального «живописно-пластического реализма» занялись художники под руководством Веры Ермолаевой. Увы, тут судьба была печальной: Ермолаеву и Стерлигова сослали, объединение распалось. Позднее Веру Михайловну расстреляли.

В войну Траугот-старший отвечал за маскировку аэродромов, потом был назначен главным художником Военно-Медицинского музея. Потом его отправили на фронт. Братьев разлучили — Валерий оказался в эвакуации, Александр остался в Ленинграде. Маленький художник делал зарисовки блокадного города, они сохранились, иногда выставляются. Ленинград станет одной из самых значимых тем и в искусстве Георгия Николаевича. Пейзажем он увлекся в тридцатые, когда ездил на Кольский полуостров. Теперь же его в работах серьезно и сильно начал отображаться город.

Художник стал мастером особого жанра и направления, о котором не так часто вспоминают — блокадного пейзажа. «Пейзаж, по существу, включает в себя мировоззрение эпохи», — говорил Георгий Траугот во время дискуссии в ЛОСХе уже после войны. Наблюдая его работы, видим не только неизменно задумчивую и ускользающую призрачность города — того, что носит три имени, как и тройственный иллюстратор-Траугот. Здесь присутствует время, в котором картины создавались. Время военное; время, когда художнику угрожал арест; когда его исключили из ЛОСХа и вышвырнули ранние полотна. И время более позднее, куда менее жесткое.

Вскоре, в пятидесятые, начался период, должно быть, самый спокойный и радостный. Художник трудился в промграфике, потом руководил оформлением экспозиции Музея истории Ленинграда. Преподавал, путешествовал — по старинным русским городам и зарубежом. В 1957 году открылась первая и единственная прижизненная выставка. Он много работает — одной из таких работ станет разрезная детская книжка «686 забавных превращений». Та, с которой начинается «тройственный» иллюстратор, прошедший через десятилетия.

Иллюстратором Георгий Траугот стал ближе к концу не слишком долгой жизни — в годы, когда осваивал с сыновьями увлекательное явление — детскую книгу. Но именно иллюстратором он в значительной степени остался до сих пор, воспроизводясь в подписи к каждой новой «картинке». При этом сохранились его собственные работы, и в немалом количестве — их можно видеть на стенах.

Необходимой категорией Георгий Траугот полагал обаяние. «Обаяние произведения искусства — это то, что заставляет его действовать на нас, то, что заставляет нас любить его и через него понимать природу». Обаятельны книжки, сделанные с его участием и без него (но удивительным образом все равно с ним). Содержат обаяние и суровые пейзажи, пусть и не беззаботное. Невозможно не почувствовать этот город, потому что здесь достоверно и волнующе изображено именно чувство. Не важно, как скоро удастся его разглядеть, но после этого едва ли решишь — принадлежит оно герою картины, ее создателю, или тебе.

Кирилл Захаров